

лось. Пришли его назадъ, ибо, по чести, у меня на черно, ниже строчки нѣтъ. Я сжегъ нарочно, чтобъ послѣ прочесть на свѣжій умъ и, переправить. Пришли не замедля. — Не стыдно ли, что „Иліады“ экземпляръ не прислалъ мнѣ. Твое же посланіе недостойно тебя; посылаю его тебѣ съ замѣчаніями. Растянуто, и дурно написано. Меньше славянизма и плавилье, ибо это сочиненіе, а не переводъ. Мысль же, что Екатерина смотритъ на внуку, неподобно и можетъ быть прекрасно выражена. Это ново и благородно. — Ты хочешь, чтобъ я бранилъ Шаховскаго? Не много-ли это? — Или ты хочешь имѣть другомъ Фрерона или Палиссота? — Впрочемъ, я буду писать Дунціаду, гдѣ всѣхъ помѣщу на мѣстѣ.... Миръ праху твоему, Беницкій! Мы съ нимъ увидимся въ царствѣ неизвѣстности, гдѣ ни дурныхъ стихотворцевъ, ни дураковъ, ни злодѣевъ.... Ниловы! они въ Питерѣ! — а я писалъ къ нимъ въ Тамбовѣ! Ниловы! Ниловы! Нилова — которая — которую — ее опасно видѣть!

Не накидывай на себя дурь, мой другъ, не говори, что люди съ ума сошли. Ты не Жанъ-Жакъ, ты не потребуешь себѣ велегласно статуи, нѣтъ. Но анекдоты тобою описаны, что можно ихъ назвать образцомъ огорченнаго стиля. Я и сержусь и смѣюсь. Ты-же...

Это письмо начато давно, всѣ дни проводилъ въ хлопотахъ....

ВАСИЛІЙ ДМИТРІЕВИЧЪ СУХОРУКОВЪ.

Донской писатель.

Не только каждая національность, а каждая страна, каждый заволовъ имѣютъ свои симпатіи и антипатіи; у cadaго изъ нихъ есть свои герои, свои мученики, свои предатели. Имена такихъ лицъ долго живутъ среди народа, — и счастливо то населеніе, которое не переживаетъ памяти объ этихъ людяхъ. Къ числу своихъ героев-мучениковъ донской народъ до сихъ поръ причисляетъ Василія Дмитріевича Сухорукова, память о которомъ сохранилась на всемъ протяженіи Донской Области: имя его до сихъ поръ съ благоговѣніемъ произносятъ въ донскихъ палатахъ и хижинахъ. Эта личность, обязанная своею извѣстностью единственно своему свѣтлому уму, прекрасному образованію и постоянному труду, испытала много горя, въ которомъ и сошла въ могилу. Поставленный въ необходимость разойтись во взглядахъ съ кн. Чернышовымъ, сильнымъ человекомъ того времени, Сухоруковъ палъ навсегда, отягченный же-

стокими преслѣдованіями. Василій Дмитріевичъ былъ въ прекрасныхъ личныхъ отношеніяхъ съ Карамзинымъ, Пушкинымъ, Корниловичемъ и многими другими современными знаменитостями. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣателей по составленію „Историческаго и Статистическаго описанія земли Войска Донскаго“—до сихъ поръ единственнаго матеріала, изъ котораго можно почерпнуть хоть что-нибудь дѣльное о донскомъ бытѣ; онъ участвовалъ въ „Русской Старинѣ“, издававшейся А. Корниловичемъ. Его статья: Общежитіе донскихъ казаковъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, напечатанная въ этомъ историческомъ сборникѣ на 1825-й годъ, читалась на Дону съ жадностью. Оно и понятно. По интересу содержанія, простотѣ и правдивости изложенія, это было первое печатное сочиненіе, воспроизведшее донскую казацкую жизнь во всѣхъ прелестяхъ ея домашняго очага. Сухоруковъ несъ тяжелые труды по дѣлу составленія „Положенія объ управленіи Войскомъ Донскимъ“, что его сблизило съ бывшимъ военнымъ министромъ княземъ Чернышовымъ и что было впоследствии причиною горькой участи талантливаго труженика. Удаленіе отъ дѣлъ доставило Сухорукову возможность войти въ прекрасныя отношенія съ княземъ Паскевичемъ, въ то время главнокомандующимъ кавказской арміей, въ которую Сухоруковъ былъ командированъ какъ опальный. Паскевичъ много хлопоталъ за „умнаго донца“, но ничего не могъ сдѣлать. Будучи командированъ въ Финляндію, Сухоруковъ и тамъ приобрѣлъ отличное уваженіе всѣхъ, кто отличалъ умъ и знаніе отъ невѣжества и вкрадчивости. Сухоруковъ умеръ въ началѣ сороковыхъ годовъ чуть не въ нищетѣ и въ томъ же чинѣ, въ которомъ попалъ въ опалу....

Графиня Растопчина, проѣзжая на Кавказъ въ тридцатыхъ годахъ, оставила въ Аксайской станицѣ стихотвореніе: „Къ Дону“, которое впоследствии, если не ошибаюсь, было напечатано въ „Московскомъ Наблюдателѣ“. Стихи эти разошлись по донскому краю очень скоро и Сухоруковъ въ тоже лѣто послалъ Растопчиной „Отвѣтъ Дона“ въ Пятигорскъ по почтѣ. Графиня-поэтъ возвратилась въ Россію уже другимъ путемъ. Предлагаемый „Отвѣтъ Дона“ до сихъ поръ живетъ чуть не въ каждомъ грамотномъ донскомъ семействѣ, и я печатаю „Отвѣтъ Дона“ не съ какою-либо иною цѣлью, а только для того, чтобы сохранить это произведеніе, начавшее уже искажаться по милости многочисленныхъ и грамотныхъ и неграмотныхъ переписчиковъ. Я отдаю его въ журналъ, носящій имя, давно знакомое всему Дону.

Если позволятъ обстоятельства, я постараюсь препроводить въ „Русскую Старину“ біографію Сухорукова, а также и автографы

тѣхъ русскихъ литераторовъ, съ которыми Сухоруковъ состоялъ въ перепискѣ. Часть этихъ автографовъ помѣщена въ бывшей и прекратившейся подъ моею редакціей газеты „Донской Вѣстникъ“, а часть ихъ и самое описаніе жизни Сухорукова не могли быть напечатаны въ провинціальномъ изданіи по нѣкоторымъ грустнымъ причинамъ.

Алексѣй Барсевъ.

30 декабря 1870 года. С.-Петербургъ.

КЪ ДОНУ.

Ты-ль это Донъ? Какой ничтожный,
 Какъ мелокъ, какъ спокосенъ ты!
 О, сколь ошибочны и ложны
 Разказы шумныя молвы!
 Тебя-ли, Донъ, не величали
 Преданья, пѣсни прежнихъ дней,
 Тебѣ-ль отцы не повторяли
 Привѣты дѣдовскихъ рѣчей?
 И что-жъ теперь?... Ты въ ложѣ узкомъ
 Безжизненнымъ болотомъ спишь;
 Ты не бунуешь, не кипишь,
 Ты дригль, ты хилъ.... ты, въ царствѣ русскомъ,
 Цвѣтущемъ жизнью молодой,
 Противусмысленъ, Донъ сѣдой!
 Увы, не то же ли бываетъ
 Межъ человѣческихъ сыновъ?
 Не такъ-ли слава съ облаковъ
 На недостойныхъ ниспадаетъ?
 Толкуеть свѣтъ, толпа кричать,
 Гремить хвалою въ ухахъ любимица,
 А на поэта-нелюбимица
 Главою киваетъ и хулить.
 А ты, непризванный, забытый,
 Недосказавшійся пѣвецъ, —
 Твой лавръ созрѣетъ знаменитый;
 Потомство правдою своей
 Воздастъ тебѣ, воздастъ обильно!
 Подумай: славенъ Донъ безмяльный, —
 А не воспѣты межъ степей
 Текутъ Уралъ и Енисей.

Гр. Растропчина.

ОТВѢТЪ ДОНА.

За что, скажите, нѣтъ привѣта
 Мнѣ отъ прекраснаго поэта?
 Чѣмъ заслужилъ я злой укоръ?
 За что, негодованья полный,
 Онъ на мои сѣдыя волны
 Нанесъ неправедный позоръ?

Тогда какъ я межъ берегами
 Зеркальный токъ кристалльныхъ водъ
 Безъ шуму, бурь и непогодъ
 Ковромъ развертывалъ предъ вами, —
 И такъ послушенъ, кротокъ, тихъ
 Вашъ утлый челнъ катилъ на нихъ —
 Меня вы славить не хотите!
 Я дряхль и хилъ, вы, говорите:
 Не хилъ, не дряхль, а древенъ я,
 Во времени мнѣ вѣтъ преданья
 И вѣчность — гѣтопись моя:
 Я современникъ мірозданья!
 И недвижимъ я съ этихъ поръ
 Какъ говорить мнѣ вашъ укоръ!
 О, какъ я вольно разливался
 И часто грозно я шумѣлъ
 Безсмертной славой русскихъ дѣлъ
 И, какъ они, не истощался!
 Не я-ль яро татарскихъ силъ
 Въ своихъ волнахъ похоронилъ
 И Русь святую возвеличить?
 Не я-ль преграду протанулъ
 И безнадежно ограничилъ
 Черкеской вольности разгулъ?
 И вашу родину, и васъ
 Спасалъ не я-ли столько разъ?
 Я вамъ не правлюсь. Не за то-ли,
 Что не дамъ монхъ я водъ
 На произволь мятежной воли,
 Вѣтровъ и буйныхъ непогодъ*),
 Что глубину мою, стремнины
 Я позволяю преплывать
 И вольныя мои равнины
 Ладьямъ ничтожнымъ измѣрять?
 Пускай..... Быть можетъ для народа
 Ношу я блага на волнахъ, —
 За что же мнѣ моей свободой
 Лишать нужду надеждъ и благъ?
 Величьемъ, милостью гордиться
 Я не хочу промежъ стеней,
 Какъ вашъ Уралъ и Енисей
 Волной ничтожною струиться....
 Вы говорите: грязенъ я, —
 Но вы видали-ль какъ обьята
 Бываетъ искрами заката
 Моя алмазная струя?
 Не грязенъ я, а кротокъ, тихъ:

*) Намекъ на польскія симпатіи Растопчиной.

Липится жаль лучей златикъ.
 Но вы, графиня... О, теперь
 Для васъ я буду лютый звѣрь,
 Я вамъ отмщу за поруганье
 Когда, презрѣвъ грозу, мятежь,
 Моихъ страстей негодованье,
 Дерзнете стать на мой рубежь.
 Для васъ я тишину нарушу.
 Хребеть мой грозно вознесу
 И поэтическую душу
 Я мыслью робкой (?) потрясу.
 О, какъ свирѣпо я завою
 И хладною моею волною,
 Шипящей, острой какъ змѣя,
 Васъ обовью злодѣйски я
 И... нѣтъ, не бойтесь, графиня,
 Я мщенья не питаю къ вамъ
 И вновь кристальною равниной
 Велю упасть моимъ волнамъ....
 Я понесу безъ бурь, смятеній
 Къ родной странѣ вашъ милый геній,
 А съ нимъ мечты кавказскихъ горъ
 И ваше нѣжное созданье.
 Я упою вашъ слухъ и взоръ
 Отрадою воспоминанья,
 И въ тишинѣ прекрасныхъ думъ
 Навѣрное вашъ свѣтлый умъ
 Мое величье сознаеть —
 И ваша дивная рука
 Тогда роскошно увѣнчаетъ
 Сѣдыя волны старика!

В. Сухорукъ.

Сообщ. А. А. Нарасевъ.